

S T U D I A H I S T O R I C A

ЛАБОРАТОРИЯ МЕДИЕВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

САЛЕРНСКАЯ ХРОНИКА

ВВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ
О. С. ВОСКОВОЙНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2020

УДК 94(450).02
ББК 63.3(0)4
С 16

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту 19-19-00154, не подлежит продаже

Рецензенты:

д. и. н. Л. М. Брагина,
д. и. н. А. И. Сидоров

С 16 Салернская хроника / Введение, перевод и комментарий
О. С. Воскобойникова. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. —
208 с., ил. — (Вклейка после с. 176.) — (Studia historica.)

ISBN 978-5-907117-82-2

Анонимная «Салернская хроника», созданная в конце X века, представляет собой замечательный памятник раннесредневековой исторической мысли. Вместе с тем это интересное произведение среднелатинской словесности, написанное на латыни, очень близкой к разговорной речи южноитальянских лангобардов, живших на территории современных Кампани, Апулии, Калабрии. В настоящем издании она впервые полностью переведена на современный язык и снабжена комментарием и подробным предисловием.

УДК 94(450).02
ББК 63.3(0)4

*В оформлении переплета использована фотография
лангобардского женского украшения, VIII–IX вв.*

ISBN 978-5-907117-82-2

9 785907 117822 >

© О. С. Воскобойников, 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

«Салернская хроника». Историко-литературный контекст	7
Салернская хроника	35
Библиография	189
Указатель имен, географических названий и понятий (сост. Н. С. Тарасова, О. С. Воскобойников, А. А. Левченко)	195

«САЛЕРНСКАЯ ХРОНИКА». ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Читатель держит в руках важное историческое свидетельство «века железа», едва ли не самого «темного» из всех «темных» Средних веков¹. Если Каролингское Возрождение резонно считать культурным расцветом, то распад империи, столь же резонно продолжим мы, «не мог не повлечь» упадок культуры, прежде всего словесности и, в частности, исторической мысли. Отчасти обоснованный, но отчасти и ограниченный живучестью имперской идеологии, такой взгляд на словесность, конечно, ушел в прошлое. Несколько лет назад Клаудио Леонарди, ныне покойный, предложил иной акцент: литература X столетия не возрождение былого наследия, не плод планомерной работы школ, но продукт нового самосознания, результат размышления крупных и малых авторов над самими собой и своим творческим инструментарием, над своими святыми и своими героями, над своим прошлым и будущим². И действительно, разве назовешь случайностью, что до нас дошли автографы

¹ Я готовил перевод и комментарий «Салернской хроники» в Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ. В получившейся книге использованы результаты проектов «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г., и «Модели представления прошлого в Средние века и раннее Новое время» — в 2019 г. Я также благодарен Андрею Афонаскину, поддержавшему меня много лет назад, когда я впервые взялся за этот литературный памятник.

² *Leonardi Cl. Il secolo X // Letteratura latina medievale (secoli VI–XV). Un manuale / A cura di Cl. Leonardi. Firenze, 2003. P. 160.*

таких замечательных писателей, как Лиутпранд Кремонский или Ратхер Веронский? Не назовешь. Это знамение обновления пространства литературы.

Десятое столетие особенно полюбило агиографию и историю. Диоцезы, города, монастыри вдруг почувствовали необходимость восславить давних и новых своих героев, христианских подвижников, или, напротив, осудить преступников — «тиранов», «предателей», «нечестивцев». Чаще, чем ранее, в святые теперь выходил современник, а читателю жития словно хочется быть живым свидетелем сотворенных им чудес. «Nihil enim ei (sc. Deo. — O. B.) placet nisi quod verum est», «Ничто Богу не мило кроме одной лишь истины», — восклицает агиограф Летальд из Миси, берясь за жизнеописание раннехристианского святого Юлиана, первого епископа Ле Мана³. Но наряду с древними праведниками героями повествования становятся и вполне живые миряне, короли и королевы, даже сами авторы, если вспомнить тех же Лиутпранда и Ратхера. Выдающийся же автор, писатель масштаба Хротсвиты Гандерсгеймской, уже был способен в рамках агиографии на такой широкий взгляд, чтобы в нескольких произведениях описать святых от Христа до собственных современников. Даже когда ей поручили воспеть в стихах деяния ее государя Оттона I, из-под ее пера, в полутора тысячах леонинских гекзаметров, вышел не панегирик правителю, а образ его двора, зеркало его политики, а не портрет. В ином жанре, но с той же широтой взгляда, Флодоард Мецский в «Победах Христа» в стихах описал подвиги различных святых, осмыслив их как *историческое* воплощение, исполнение в истории подвига Спасителя. Неслучайно ему же принадлежит особая роль в трансформации традиционной формы анналов, то есть погодных записей событий, традиционных для раннего Средневековья.

³ *Letaldus Miciacensis. Vita sancti Iuliani. Patrologia latina* / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1852. T. 137. Col. 782.

На этом фоне возникают такие опыты исторической мысли, как «Деяния саксов» Видукинда Корвейского и «История» Рихера Реймского, «Воздаяние», «Отчет о посольстве в Константинополь» Лиутпранда⁴. Для них настоящее — прямое следствие прошлого, но реально интересует их, а следовательно, и их читателей, именно настоящее. Одни, как Лиутпранд, фактически сводят счеты с современниками и современностью, другие, как Ратхер, которому тоже было на что обижаться, от этой современности как бы отворачиваются, но остаются ее свидетелями и критиками, третьи, как Рихер, видевший рождение Капетингов, уже почти «журналисты», хорошо информированные всезнайки, которые во всем могут «разобраться». Речь идет об авторах, которые к тому же обладали необходимыми литературными талантами и разработанными средствами латинской словесности для осуществления этих новых для того времени замыслов⁵.

Таков в общих чертах литературный и, в более узком смысле, историографический контекст, в котором возникла «Салернская хроника». Она написана в последней четверти X в., вскоре после 974 г., в Салерно, относительно крупном

⁴ Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Пер. Г. Э. Санчука. М., 1975; Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И. В. Дьяконова. М., 2006; Рихер Реймский. История / Пер. А. В. Тарасовой. М., 1997.

⁵ Если Рихер переведен в целом добротно, то в переводе Видукинда уже многие тонкости потеряны, а Лиутпранд в исполнении И. Дьяконова, к сожалению, почти не узнаваем и нуждается в новом переводе. Пожалуй, лучшей на сегодняшний день комментированной русской антологией, по которой можно составить для себя общее представление о литературном развитии посткаролингского Запада, следует считать объемный том, подготовленный М. Л. Гаспаровым и М. Р. Ненароковой: Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века. М., 2011. Здесь представлены как все ключевые имена, так и основные поэтические и прозаические жанры.

портовом городе лангобардской Кампании⁶. Совершенно очевидно, что ее автор — человек, хорошо осведомленный о политических событиях. Даже если он клирик, что следует предполагать, он не чужд миру как в повседневной жизни, так и духовно. Его предмет — дела мирян. В этом — ценность его труда. И этот же интерес во многом определил и особенности изложения, структуру, отбор материала, стиль, даже лексику и язык.

«Салернская хроника» дошла до нас в единственной рукописи без указания имени автора. До появления критического издания, положенного в основу предлагаемого перевода⁷, ее иногда ошибочно приписывали Эрхемперту, южнолангобардскому хронисту предшествующего, девятого, столетия⁸. На самом деле, автор использовал его «Историю беневентских лангобардов», посвященную периоду с 787 по 889 г., но не следовал ей буквально, более того, как историк, он мыслил несколько иначе. Естественно, он был знаком и с «Историей лангобардов» Павла Диакона⁹. Вместе три эти текста составляют замечательный памятник исторической мысли народа, слишком часто прописываемого у нас по части «вар-

⁶ *Delogu P. Mito di una città meridionale (Salerno, secoli VIII–XI)*. Napoli, 1977. «Салернская хроника» — один из основных источников, используемых автором для реконструкции взаимоотношений внутри и вокруг Салерно.

⁷ *Chronicon Salernitanum. A critical edition with Studies on Literary and Historical Sources and on Language* / Ed. U. Westerbergh. Stockholm, 1956. С рядом досадных опечаток и без аппарата это издание воспроизведено в тексте, опубликованном в свободном доступе: http://www.rm.unina.it/didattica/fonti/anto_cam/chrosalern/chrosalern_index.htm (дата обращения 11.06.2019).

⁸ *Erchempertus. Historia langobardorum Beneventanorum* / Ed. G. Weitz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX*. Hannover, 1878. S. 231–264.

⁹ *Павел Диакон. История лангобардов* / Пер. с лат. Ю. Б. Циркина. СПб., 2008. Далее цитируется это издание.

варов». Еще лет сорок назад вполне авторитетные медиевисты утверждали, что лангобарды не имеют почти никакого отношения к истории средневековой словесности¹⁰. Сегодня взгляды ученых более нюансированы, но многое еще недостаточно изучено, в том числе потому, что время «Салернской хроники» уже трудно назвать собственно «лангобардским». Лишь в последние десятилетия по-новому поставленный «лангобардский вопрос», новые критические издания источников, реставрация важнейших памятников и масштабные художественные выставки позволили переоценить значение лангобардов в раннесредневековой истории¹¹.

Сказанное выше о пространстве латинской литературы X столетия относится, конечно, и к южноитальянским лангобардам. Они ревниво отстаивали свою самостоятельность перед лицом всех своих соседей — папского Рима, франков, греков Лонгивардской фемы со столицей в Бари, сицилийских арабов и даже неаполитанцев, с точки зрения живших по соседству лангобардов, таких же бессовестных, как греки, которые, в свою очередь, хуже агарян¹². Лишь норманнам удалось реально, а не номинально подчинить их своим порядкам, но на это ушел весь XI в., и это уже следующая страница большой истории. Агиография и историография всегда служили инструментами самоутверждения более или менее крупных локальных обществ, и агиография лангобардского юга тоже

¹⁰ *Vinay G.* Letteratura antica e letteratura latina medievale // *La cultura latina nell'Occidente latino dal VII all'XI secolo.* Spoleto, 1975. P. 513; *Cavallo G.* Libri e lettori nel Medioevo. Guida storica e critica. Bari, 1977. Устойчивость этого топоса анализируется в работе Эверетта: *Everett N.* Literacy in Lombard Italy, с. 568–774. Cambridge, 2003. P. 318.

¹¹ *Villa C., Lomonaco F.* Cultura e scrittura nell'Italia longobarda // *Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hg. W. Pohl, P. Ehart.* Wien, 2005. S. 503–523; *D'Angelo E.* La letteratura alle corti longobarde «minori» (Spoleto, Benevento, Capua, Salerno) // *Le corti nell'alto Medioevo.* Spoleto, 2015. P. 703–707, 762–765.

¹² Салернская хроника. Гл. 145–147, 158.

отличалась в то время особой политизированностью, специфическим местным патриотизмом, который нетрудно заметить и в «Салернской хронике»¹³.

Югетт Тавьяни-Кароцци, посвятившая салернским лангобардам диссертацию, предложила идентифицировать автора с аббатом местного бенедиктинского монастыря Радоальдом¹⁴. Сама хроника не имеет ни посвящения, ни каких-либо еще прямых указаний на семейные или иные связи автора. Поэтому судить о нем приходится в основном по тональности: живость повествования и обилие деталей указывают, например, на то, что он был не просто осведомленным современником описанных им бурных событий, но и участником. Однако консенсуса по вопросу авторства не наблюдается, поэтому мы будем вслед за Массимо Ольдони называть его для удобства Салернским анонимом¹⁵.

Он начинает свое повествование с VIII в., примерно там, где остановился Павел Диакон. Воспользовавшись доступной в церковных кругах официальной хроникой Римской курии, ведшейся столетиями «Папской книгой», «*Liber pontificalis*», он повествует о попытке лангобардов взять под контроль Рим, вмешательстве Карла Великого и последовавшем за этим исчезновении Лангобардского королевства, бывшего на протяжении столетий важнейшим политическим образованием в Северной и отчасти Центральной Италии. Южноитальянские лангобарды еще до падения Севера обладали значительной самостоятельностью¹⁶. Наша «Хроника» как раз указы-

¹³ *Vuolo A.* *Agiografia beneventana // Campania sacra.* 1995. Vol. 26. P. 264–275.

¹⁴ *Taviani-Carozzi H.* *La principauté lombarde de Salerne (IXe–XIe). Pouvoir et société en Italie lombarde méridionale.* Vol. 1. Roma, 1991. P. 62–95.

¹⁵ *Oldoni M.* *Anonimo salernitano del X secolo.* Napoli, 1972. P. 33.

¹⁶ *Gasparri S.* *Il ducato e il principato di Benevento // Storia del Mezzogiorno.* Vol. II: *Il Medioevo.* Napoli, 1988. P. 83–146; *Delogu P.* *Il principato di Salerno. La prima dinastia // Ibid.* P. 237–277.

вает на постепенное усиление этой самостоятельности, как по отношению к северным родичам, так и по отношению к франкам и соседям-византийцам. Рассказ резко обрывается в 974 г.: мы застаем князя Капуи и Беневенто Пандульфа под стенами Салерно, где заперлись мятежники, сбросившие с трона князя Салерно Гизульфа.

Обстоятельства, заставившие хрониста отложить калам, нам не известны. Более того, нельзя сказать наверняка, что его работа именно не закончена, даже если нет традиционного *explicit*, зато есть лакуны в именах и датах, оставленные, возможно, для уточнения. Раз никто не взялся продолжить рассказ, это может служить косвенным свидетельством того, что он воспринимался автором, современниками и потомками если не как заверченный текст, то примерно в том ключе, что «главное сказано» и добавить нечего¹⁷. Но очевидно, что за дело он взялся не только из прагматических соображений, собственных или неизвестного нам заказчика, не только по традиционной для историка того времени ангажированности, о которой не раз писалось¹⁸. У него есть вкус к рассказу, к деталям повседневной жизни горячо любимой им родной Кампании. Его мир — земли между Капуей, Неаполем, Амальфи, Салерно и Беневенто. Это относительно небольшая, но обладавшая и в те времена огромным значением историческая область, которую, иногда вместе с герцогствами Сполето (нынешняя Умбрия) и Фриуль на Севере, в науке принято называть «Малой Лангобардией», *Langobardia Minor*¹⁹,

¹⁷ *Oldoni M.* Op. cit. P. 249.

¹⁸ *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 377.

¹⁹ Павел Диакон говорит о возникновении герцогства Сполето как ни в чем не бывало (III, 13), и в науке высказывались предположения, что Малая Лангобардия возникла по инициативе королей как «аванпосты». Однако сейчас, после работ Джан Пьеро Боньетти, принято считать, что их первые правители — лангобардские федераты, присутствовавшие здесь уже в момент

чтобы отличать от королевства. Следует отметить, что во второй половине X в. эти земли пережили важные изменения в церковной организации: в 960-х гг. статус метрополий (архиепископств) получили от Иоанна XIII Беневенто и Капуя, в 983 г. — Салерно, в конце столетия метрополией стали называть и Неаполь (в каком именно году он получил этот статус, неясно)²⁰. Таким образом, относительно небольшая Кампания обладала шестью архидиоцезами (включая Сорренто и Амальфи) и аббатствами масштаба Монте Кассино (на границе с Лацио), Кава деи Тиррени, Сан Винченцо аль Вольтурно. Для организации повседневной жизни исторической области, как и для ее «геополитического» положения, это совсем не формальности, а как раз свидетельство динамичного развития, и само появление «Салернской хроники» тоже об этом говорит.

Свою *patria Beneventana* аноним знает досконально, и уровень его знаний многое говорит о картине мира мыслящего человека X столетия. На его горизонте во всех деталях представлен весь юг полуострова, хотя Сицилия уже далека. Некоторые из его топонимов уже не расшифровать, но красноречиво и само их количество. Нужно также учитывать, что в отличие от Сполетского герцогства южные лангобарды лучше сохранили свою политическую традицию, несмотря на близость Папской области, Византии (фема Лонгивардия в нынешних Апулии и Калабрии) и арабов на Сицилии.

Характерно, что «Салернская хроника», в отличие от предшествующих южноитальянских хроник и анналов, арабов не боится и повествует об агарянах достаточно сдержанно, даже когда речь заходит о военных действиях (например, гл. 110–116). Сказался тот факт, что раны, в том числе психологические, от опустошительных набегов IX в. зарубцевались,

завоевания 568 г. *Bognetti G. P. L'età longobarda. Vol. 3. Milano, 1967. P. 441–475.*

²⁰ *Fonseca C. D. Longobardia minore e longobardi nell'Italia meridionale // Magistra barbaritas. I barbari in Italia. Milano, 1984. P. 177.*

взаимное недоверие сменилось торговлей. Кроме того, нельзя забывать, что сами христиане постоянно пользовались услугами наемников из неверных для решения своих конфликтов, как и столетиями позже в Святой земле. «Салернская хроника» вроде бы осуждает за это Неаполь, но констатирует как нечто обыденное, а бедствия салернитанцев объясняет их же, салернитанцев, вероломством по отношению к арабам (гл. 126). Этот пространный рассказ представляет собой результат настоящего историко-богословского анализа.

Знакомство с некоторыми религиозными текстами подсказывает, что наш аноним, скорее всего, — хотя и нельзя это утверждать окончательно — был монахом. Но этот монах стремился понять причины тех или иных конфликтов как между крупными политическими силами, так и между представителями местной знати, как и везде ссорившейся, воевавшей и мирившейся. Многое в поведении его героев типично для чуть ли не всего Средневековья — тем интереснее сопоставлять нашу «Хронику» с другими памятниками, многие из которых доступны в неплохих переводах²¹.

При всех сходствах и общих местах в поэтике средневековой исторической мысли, любой специалист и внимательный читатель знает, что она умеет говорить и на «диалектах». И то же можно сказать об отражаемых конкретным памятником реалиях. Многое как в психологии героев, так и в их поступках объясняется местной южноитальянской спецификой того особого времени, когда об «итальянцах» говорить еще рано, о «варварах» поздно, зато лангобардов, казалось бы сломленных, мы находим вполне рачительными и ревнивыми

²¹ Помимо названных выше укажем из более ранних «Историю франков» Григория Турского, «Гетику» Иордана, «Церковную историю англо» Беда Достопочтенного, из более поздних — «Историю о древних норвежских королях» Теодориха Монаха и «Историю англо» Генриха Хантингдонского. Многочисленные переводы памятников X–XI вв., выполненные И. Дьяконовым, к сожалению, нуждаются в слишком серьезной правке.